

Поэт о поэзии

Однажды на литературном вечере поэту Юрию Кублановскому задали вопрос:

– Вы заведуете отделом поэзии в «Новом мире». Через вас проходят тонны рукописей. Кого из авторов вы могли бы назвать?

Он ответил примерно так:
– Талантливых авторов сейчас очень много. Гораздо больше, чем, например, десять лет назад. Мы стараемся их печатать. Разных – столичных и провинциальных, известных и неизвестных, молодых и немолодых. Но назвать кого-то одного... Есть много маленьких «звёздочек». Но нет такого мира, к которому хотелось бы прислониться. И не расставаться с ним...

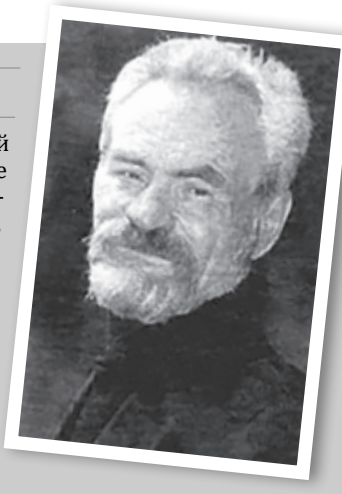
Читая стихи Юрия Богданова, я вижу этот мир. Может быть, потому ещё, что люблю его как человека. Спокойный, надёжный и – не побоюсь этого слова – хороший. Всегда очень радовалась нашим редким и случайным встречам в трамвае. Он

Я вижу этот мир...

Справка «ММ»

Юрий Богданов родился 4 августа 1940 года в городе Бугульме Татарской АССР. В 1958 приехал в Магнитогорск. Поступил в МГПИ, учился на факультете русского языка и литературы. Профессиональный рабочий. В этой «должности» трудился на метизно-металлургическом, калибровочном заводах, Магнитогорском металлургическом комбинате.

С 60-х годов Богданов – активный участник литературной жизни города, член литературных объединений «Магнит», «Красное солнышко», городского литературного объединения имени Бориса Ручёва. Публикации его стихов в периодике были редки. В 2002 году он стал одним из авторов коллективного поэтического сборника МаГУ «Гармонии таинственная власть». В 2006-м в книжной серии «Литература Магнитки. Избранное», издаваемой под патронажем газеты «Магнитогорский металл», вышла книга стихов «Крапивы нежное тепло».

мне напоминает дерево, вросшее по плечи в землю и вырывающееся из земли. Сам себя он видит врастающим в камень, как сказано

в стихотворении «Путеводный рабочий».

Когда-то давно я впервые прочла его стихи. Ощущение чего-то

настоящего, не придуманного, естественного. И ещё, помню, мы с Юрием Ильясовым сравнивали его стихи с необработанным драгоцен-

ным камнем. Сейчас мне видится, наверное, глубже, потому что – вот они, грани шлифовки, сверкают!

При этом он не боится банальностей, да ему и не надо их бояться. Они звучат у него свежо и, как теперь говорят, «вкусно». Впрочем, цитировать Юру по памяти – вещь бессмысленная, поскольку созвучный автору читатель и сам сумеет сделать для себя немало открытий. Но всё же не удержусь и поделюсь строками, которые я помню уже лет сорок: «Дождя тяжёлое литьё. / Окна мерцают тусклое. / С тобой свидание моё – / Необъяснимо грустное. / И крыша плавает в ветвях / Баркасом опрокинутым. / И не один на свете я / Покинувший... Покинутый...»

А ещё я завидую молодым стихотворцам, которые в самом начале своих творческих поисков могут открыться на открытия наивного зрелого поэта Юрия Богданова.

Галина Лещинская,
член Союза российских писателей

Лирика

Юрий Богданов

Из книги «Крапивы нежное тепло»

Имышь – и слон – и ты – и он – и я –
Трава – цветы –
деревья буйным летом –
Всё это – вечно ждущая земля,
Зовущая и молоком, и ветром.

Не потому ли сонмище коров
Благословенно
под индийским небом?
...А если кто-то видел
в жизни кровь,
Так это – сгусток страха
вместе с гневом.

Подпасок

Вышел заспанный подпасок,
Волоча гремучий кнут.
Рано утром видно сразу:
Трутень – или любит труд.

Он идёт землёю древней,
Мал в летах, зато в чести,
Понимает, что в деревне
Долго некогда расти.

Осень, осень!..
Грусть острее боли.
Засучила осень рукава:
Сад пустила на сорочьи колья,
А леса – хоть нынче на дрова.

Яблоки к родным
корнесплетеням
Устремились из пустых высот.
И печально было их паденье
В день грядущий,
в будущий полёт.

Семя обескрыленное дышит,
Просится в умолкнувшую
твердь...
Мне под нахлобученной крышей
И в окно не хочется смотреть.

Соседи

Ругаются!..
Прикроем дверь плотней,
Друг друга спрячем
На кровати бедной.
Глаза закроем –
Так ещё видней:
Жизнь без любви –
Темна и беспросветна.

Текут облака –
Сомнений река,
Раздумий река,
Река наслаждений...
И дышит
В их голубые бока
Планеты уснувший гений.

Из детства

Нас носило поверху,
Нас таскало понизу:

То тарзанам по лесу,
То винтим подсолнухи.

Гимнам – непослушные,
Песнями не нищие,
Мы девчонок ушленьких
Завлекали – силицей!

В нас девчонки ладные
Были крепко влюблены:
Хоть штаны залатаны,
Да носы облуплены.

Я, как холоп, стою растерян.
А ты, рассветная княжна,
Обходишь рощи светлый терем,
И даже издали – нежна.

И я запомнил лик твой белый,
Походки сонную волну...
Я смело жил. Я много сделал:
Я – в твою сторону взглянул!

В степи

Немою вершиной
восходит ковыль.
Легко и печально.

Там камень ночует...
Забывшая быть.
Спокойная тайна.

Молоко

На деревню из-за леса
Надвигается рассвет.
В завитой рожок берестов
Леший дунул – ночи нет!..

Вьяма облачное зорьки
Повело по сторонам,
И запели по задворкам
Все коровьи имена.

Гей вы, гусли!..
Мы не гусли –
Звон медовый молока!
Две струны светло и густо
Бьют подоюнику в бока.

И розовую нитку горизоннта
из клюва в клюв тянули петухи.
И странное явление:
сквозь сон ты
мне говорила грустные стихи.

А я стоял,
душою спокоен,
у нашего рассветного окна
меж золотистым утром –
и тобою.
И жизнь твою
как бы читал до дна...

Урок любви

Возвращаюсь утром рано,
Мать уснула – не бужу.

Сам на губы, сам на раны
Я столетник наложу.

Мать проснётся... Сев на лавку,
Смотрит – не поймёт никак:
Зацелован я неловко?
Иль нарвался на кулак?

Ночь свидания взмывает
Над счастливым надо мной,
Большую смывает
Усыпительной волной...

Петь – не стану.
Плясать – не стану.
Плясовую
играть не устану:
Разверну я шире меха
Для тебя. И для жениха.

А меха-то – шире груди.
Жизнь впереди.
И любовь впереди.
Только, прошу,
На меня не гляди,
Не позабытого не беред.

Путеводный рабочий

Тяжёлым отточенным ломом
Взрываю гранита края.
Кладовику злему
Подобна работа моя.

Работаю молча, сердито.
Под шапку въедается пот.
Ответная сила гранита
Колочими искрами бьёт.

Устану... Но встану. Под вечер,
Себе самому удивясь,
Я в камень – по самые плечи –
Уйду, раскалённо дымясь.

...Поставят электроопору
Основой – в мой собственный
рост!
Я поезду узнаю, который –
Грохочущий, старый, нескорый –
Меня в этот мир, в этот город,
Пожалуй, надолго привёз.

Чьи-то мысли озвучил трамвай
на лету:
«Так – жить – нельзя!»
Задумился трамвай –
да и встал на мосту,
По рельсам скользая.

«Это мысли – мои!» –
я признался не вслух
(А подумалось мне о тебе).
И услышал трамвай,
и помчал во весь дух,
И помчал навстречу судьбе.

Лик Магнитогорска

Под дождём промок до нитки
И в польнь уткнулся глухо.

Приложил к горе Магнитной
Не рассеянное ухо:

Звон кирки... И стон копыта...
Что зарыто, что забыто –

Тёплым зноем, добрым боем
Вскольхнулось надо мною.

Я свернул не вправо – к дому,
А налево – к дымным домам.

К домне – адовому брюху –
Приложил другое ухо:

Словно жёсткий жим
штангиста,
Выдох – свистом, вдох – неистов.

...Я уехал в дальни дали.
Не медаль – значок мне дали.

В нём отлит в красе неброской
Жёсткий лик Магнитогорска.

Или расстояние?..
Или состояние?..

Врозь мы или вместе,
В комнате вдвоём?
Сладко или тесно –
Так и не поймём.

Будто друг сквозь друга
Мы спешим пройти,
Чтоб на новом круге
Встретились пути.

Хлеб огня

Всё, от чего слепой порою
Глаза и звёзды отрелись,
Природа медленно рукою
Столкнула вниз:

К себе – в запазухи расщелин,
В карманы зыбкие болот,
Где нет движения и цели,
Где времени невпроворот,

Где ночи вековечно сжались
Угрюмо, немо, непроточно,
Где сдвиг частицы –
злей пожариц,
Пространство –
напряжённой точки,

Где нет ни воздуха, ни солнца,
Где смерти нет и жизни нет,
Спрессован в пласт
зеркально-сонный
Весь древний свет.

Но этот, каменно весомый,
Для кочегара для меня
Он – спящий гром.
Он – всполох молний.
Хлеб вдохновенного огня.

Милая. Усталая. Моя.
Говорить сегодня не умею.
Твоё сердце – маленький маяк –
Бьётся с беспросветностью
моею.

Мне, как поздней птице на лету,
Хочется о грудь твою разбиться...
Я – не птица. Я к тебе иду
Долгою скрипучей половицей.

Грустная плясовая

Пойду плясать,
Нога об ногу тесать!..
Отголосица.
Слеза просится.

Мне плясать не хочется, поверь,
Память лет студёных
колобродит.
...Хлопнет льдом окованная дверь –
В избу «баба снежная» заходит.

И гремят поленья рукавов –
Ведь зипун вконец заледенелый.
И ладони мамы стёрты в кровь,
И лицо у мамы снежно-белое.

Мука на лице её простом.
Скажет нам, детишкам,
от порога
Безнадёжно, словно о пустом:
«Нет колосьев.
Собрала – немного...»

Ляжет на топчане в уголок.
Хрип в груди клокочет
и крепчает.
Вдруг попросит: «Полечи, сынок.
Потопчи, – быть может,
полегчает».

На больной на маминой груди
Так плясал я,
непорочный деспот!..
Навсегда ль остались позади
Наши зимы пляшущего детства?

Пойду плясать,
Нога об ногу тесать!..
Отголосица.
Слеза просится.

Я жду тебя. Другая – ждёт меня,
А за другою воздыхатель ходит.
И всё-таки – случайно так
выходит –
Мы встретились у одного огня.

Недружным кругом
сели у костра,
Кому погорше – сел поближе
к дыму,
И всем-то нам – любимым,
нелюбимым –
Заря смеётся – старшая сестра.

Сидим и даже песен не поём,
Лишь гитарист приветлив
и участлив.
Избыток ожидаемого счастья
Его гитаре робко отдаём.

Хватила песня за сердце. Она
Звала, просила,
плакала нездешне...
И в души, словно
в зимние скворечни,
Пуховым ветром дунула весна.